

Панин С.А.

**ВЕЧНАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ И ТАЙНА ПОЛА
В РАБОТАХ А. УЭЙТА**

Stanislav Panin

**ETERNAL FEMINITY AND THE THE MYSTERY OF SEX
IN THE WORKS OF A. WAITE**

The paper is dedicated to the works of A. Waite, one of the most notorious members of the Hermetic Order of the Golden Dawn. The author concentrates on Waite's interpretation of Kabbalistic concept of Shekhinah, God's presence in the world. Waite developed the idea that Shekhinah should be described as a key to Kabbalah and to initiatory system of the Golden Dawn as well. Therefore, examination of this topic is important for everyone who looks for deeper understanding of the doctrine of the Hermetic Order of the Golden Dawn and its symbolism.

Когда речь заходит о вопросах, связанных с темой сакральной женственности в контексте истории эзотерических учений, как правило, вспоминают о викканском колдовстве или, возможно, о русской софиологии конца XIX – начала XX века и ее связи с эзотерическими учениями, однако намного реже эта тема ассоциируется с «Герметическим орденом Золотой Зари». Тем не менее, в рядах этого ордена тема женственности и сексуальных отношений не только по-своему раскрывалась, но и занимала центральное место в работах некоторых авторов. В частности, это относится к одному из самых активных и известных деятелей ордена – А. Уэйту.

Уэйт раскрывает тему женственности в контексте собственного понимания каббалы, в рамках которого эта тема в первую очередь связана с учением о Шхине. Оно, по мнению Уэйта, составляет центр, «сокровеннейшее учение» Зогара: «Есть все основания утверждать, что средоточием Тайной Доктрины в Зогаре является та Тайна, какова бы она ни была, которая скрывается за чудом

и славой Шхины <...> из этой тайны исходит вся Каббала и к ней возвращается»¹.

Обращаясь к истории учения о Шхине, следует отметить, что само понятие Шхина (букв. «пребывание») вводится в Талмуде, где оно понимается как «Божественное присутствие, одно из имен Бога, означающее имманентное присутствие Бога в мире»². В средневековой еврейской философии, однако, появляется представление о том, что Шхина представляет собой не самого Бога или один из его аспектов, а нечто, сотворенное Богом, некую самостоятельную сущность, служащую посредником между Богом и человеком. В частности, именно так понимается Шхина в работах крупнейших средневековых авторитетов Саадии Гаона и Йехуды ха-Леви. В каббале эта идея также присутствует, и Шхина, еще со времени написания «Сефер ха-бахир» (одного из наиболее ранних из сохранившихся текстов каббалы) понимается как существо женского пола: «дочь», «царевна» и т.п. В XII-XIII веке это представление соединяется с философскими идеями о Шхине и порождает более завершенное, целостное представление, которое впоследствии сохранялось в каббалистической литературе и далее перешло в хасидизм. Учение это заметно повлияло на религиозную философию XIX – начала XX века, причем не ограничиваясь одним лишь иудаизмом, в частности, внимательному читателю оно наверняка покажется весьма схожим с представлением о Софии в русской религиозно-философской мысли того времени. Именно в это время Уэйт начинает развивать собственную интерпретацию данного образа.

Шхина в творчестве Уэйта

Для Уэйта, как и для любого каббалиста, Шхина – это, прежде всего, космическое женское начало и одновременно присутствие Бога в мире. Она раскрывается на двух уровнях: во-первых, как Божья Невеста, «Возлюбленная, восходящая к Небесному Жениху», «Матрона (Госпожа), соединяющаяся с Царем»; во-вторых, как «путеводитель и покровитель человечества» здесь, в земном

¹ См.: Уэйт А. Каббала. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. – С. 397.

² Шхина // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=14969>. Дата обращения: 09.12.2015.

мире¹. Вообще, с точки зрения Уэйта само имя «Шхина» следует символически интерпретировать как «двойственное величие»², таким образом, двойственный характер есть главный, сущностный признак Шхины. Чтобы прояснить эту концепцию о двух Шхинах, обратимся к символическим каббалистическим соответствиям, используемым самим Уэйтом.

Прежде всего, Шхина имеет соответствие в четырехбуквенном имени Бога, Тетраграмматоне, состоящим из букв Йод, Хе, Вау и Хе. В этом имени Шхине соответствуют две буквы Хе (эти буквы, согласно Уэйту, одинаковые именно потому, что символизируют одну и ту же сущность). Первая соответствует Шхине как Матери; вторая – Шхине как Дочери (рожденной от союза первой Хе в качестве матери и Отца-Йод)³, но в обоих случаях это одна и та же сущность, проявленная на разных уровнях. Из двух ее ипостасей первая непосредственно выражает божественное величие, она есть Госпожа; вторая выражает божественную Милость (Уэйт использует в этом месте английское слово Grace, которое можно также перевести как Благодать или Милосердие), проявляемую по отношению к творению. Этот последний, земной, аспект Шхины соотносится на Древе Сфирот со сфирой Малкут. С высшим, «трансцендентным» аспектом Шхины, однако, все не так просто. В своей работе «Каббала» Уэйт в присущей ему манере на протяжении нескольких страниц перечисляет всевозможные варианты соответствия этого аспекта Шхины различным частям Древа Сфирот, пока наконец не приходит к выводу: Шхина соответствует сфере Бина («Понимание»), Хокма есть Отец, а Даат – «Рожденный Сын». Стоит заметить, что соответствие Бина-Шхина неоднократно подтверждается как базовое в других работах Уэйта⁴ и имеет для его системы центральное значение, хотя, как отмечает сам Уэйт, есть и другие системы, которые нельзя отбрасывать. К этим системам, которые, по мнению Уэйта, могут при необходимости применяться в подходящем контексте, чтобы более полно раскрыть символизм

¹ См.: Уэйт А. Каббала. С. 398-399.

² Уэйт А. Иллюстрированный ключ к Таро. – К.: София, 2000. – С. 14.

³ Уэйт А. Каббала. С. 400.

⁴ Уэйт А. Иллюстрированный ключ к Таро. С. 14; Уэйт А. Таро Золотой Зари. – М.: Энигма, 2010. – С. 85.

соответствует состоянию соединения божественного Отца-Супруга и Невесты-Шхины, которым, согласно Уэйт, соответствуют имена Яхве (мужская ипостась, Отец) и Элохим (женская ипостась, Мать). Вместе они составляют одно целое – Яхве Элохим, и хотя точное соответствие Шхины – это Бина, Уэйт поясняет, что в мире Ацилут, то есть в рамках трех высших сфирот, не существует различий между Биной и Кетер, между Шхиной и Святым Благословенным. Именно в этом смысле на рисунке «Сад Эдема до грехопадения», иллюстрирующем учение «Золотой Зари» (рис. 2), Шхина изображена как ангел, крылья которого обнимают три высшие сфирот, и символизирующая Шхину окружность охватывает весь мир Ацилут.

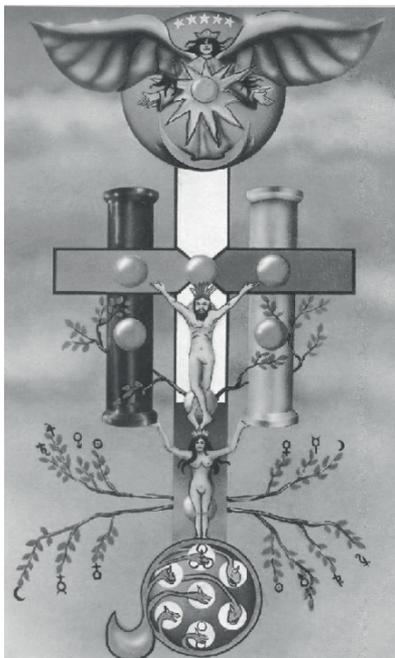

Рис. 2. Сад Эдема до грехопадения

Правда, в другом месте Уэйт отмечает, что Шхина как таковая проявляется не только в этих двух формах, то есть не только в Малкут и в высших сфирот: она имеет свое отражение во всех сфирот срединного столпа, а также соотносится со срединным

столпом в целом. «В Малкут она – Роза проявленных вещей, среди Высших сфирот – Мистическая Роза Небес; в Тиферет – Роза Очищенной Жизни»¹. И, наконец, подытоживая, Уэйт пишет о том, что Шхина в некотором роде присутствует вообще во всех сфирот: «Точно так же и все остальные сфирот суть лики или состояния этой первообразной Розы – тайны женственности во всех ее формах и степенях»².

По отношению к конкретному человеку Шхина выступает в двух ипостасях. С одной стороны, Шхина является манящей целью, маяком (а возможно и своеобразным магнитом); с другой – она есть «Ангел-Освободитель (Хранитель), спасающий мир во все века, пребывающий всегда рядом с человеком и никогда не покидающий праведных»³. Последнее – очень важный момент: согласно Уэйту, Шхина (в аспекте манифестации) была изгнана вместе с человеком из Рая и поделила с ним горести земной жизни. Иными словами, изгоняя человека из Рая, Бог изгнал и частицу самого себя, разделив с человечеством суровость наказания, раскололся на несколько частей и сможет вернуться к себе только в результате восстановления первоначального идеального состояния мира. Пребывая на земле, Шхина остается «Духом, пребывающим внизу», «ведущим соискателя к себе, в горние миры»⁴. Шхина в своем аспекте божественного присутствия на земле является праведникам, становится их защитницей и даже «Духовной Невестой»⁵.

Кроме всего вышеописанного, у Шхины, как отмечает Уэйт, существуют и другие интересные соответствия. В деле творения она есть «зодчий мира»⁶, что наталкивает нас на возможную интерпретацию этой идеи в перспективе масонства. Алхимическое соответствие Шхины, согласно Уэйту, первоматерия. Наконец, Роза как символ Шхины самым прямым образом адресует нас к розенкрейцеровскому символизму Розы и Креста.

¹ Уэйт А. Таро Золотой Зари. С. 85.

² Там же.

³ Уэйт А. Каббала. С. 399.

⁴ Уэйт А. Таро Золотой Зари. С. 90.

⁵ Уэйт А. Иллюстрированный ключ к Таро. С. 14.

⁶ Уэйт А. Каббала. С. 404.

Таблица 1. Две ипостаси Шхины согласно Уэйту

«Шхина в трансценденции»	«Шхина в манифестации»
Первая Хе	Вторая Хе
Бина (букв. «Мудрость»)	Малкут (букв. «Царство»)
Элохим	-
Матрона (Госпожа и Мать)	Дочь
Цель, к которой стремится душа	Сила, посредством которой душа спасается
Невеста Бога	Невеста праведников

Шхина и тайна пола

С тайной Шхины связана вторая тайна каббалы, имеющая для Уэйта особое значение. Уэйт называет ее тайной пола, связывая ее с тем, что постижение Бога доступно только человеку, находящемуся здесь, на земле, «в обычном и законном браке», то есть человеку семейному. Фактически, мужчина, не имеющий семьи, называется Уэйтом «неполноценным». К слову сказать, сам Уэйт был женат дважды: сначала на Аде Лэйкмэн (которая вместе с мужем состояла в «Золотой Заре», хотя, в отличие от него, и не вошла в число его наиболее известных членов), а затем, после ее смерти, на Мэри Бродбенд Шофилд. Но, с точки зрения Уэйта, мало пребывать в законном браке. Для того, чтобы Шхина снизошла к праведнику и осенила его божественным присутствием, праведник должен всенепременно исполнять, так сказать, супружеский долг. Именно в таком ключе интерпретирует Уэйт жизнь Иакова, поскольку «когда Иаков лишился Иосифа, он лишился и Шхины» (в данном случае имеется в виду сюжет из Быт. 37:3-35 про заговор братьев против Иосифа), одной из причин чего, по мнению Уэйта, являлось то, что он «перестал жить с женой по причине скорби и оставленности»¹.

Но и это еще не все. Помимо законного брака для понимания божественных премудростей есть и другой важный фактор: наличие наследника. Это, как отмечает Уэйт, есть прямое исполнение заповеди «плодиться и размножаться», а дана она была потому,

¹ Уэйт А. Каббала. С. 407.

что лишь в человеке, в человеческой душе возможно возвращение к изначальному божественному единству. Через рождение детей, как поэтически пишет Уэйт, человек способствует распространению сияния Святого Имени во все стороны, «собирая духи и души, составляющие славу Святого Благословенного». Тот, кто не исполняет этой заповеди, препятствует схождению Господа в наш земной мир, а малочисленность душ, сходящих в мир, прямо называется «причиной, по которой в него не сходит Шхина». Соединенные браком, мужчина и женщина становятся подобием Элолхима, целостным существом, каким им и надлежит быть. И даже идею о том, что первочеловек был сотворен как гермафродит, мужчина и женщина, соединенные бок о бок (каббалистическая интерпретация библейского пассажа Быт. 1:27: «И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их»), Уэйт называет лишь «завуалированным способом донести до сознания то, что они находились в состоянии брака»¹.

Таким образом, условием для схождения Шхины в мир в целом и к конкретному человеку в частности является его земной брак и наличие потомства. О космической значимости этого процесса свидетельствует оригинальная концепция реинкарнации, которую в контексте этой темы развивает Уэйт: «Святое Имя никогда не усваивается неполноценному мужчине, если он не женат или заканчивает свои дни без наследника. Такой человек после своей кончины не вступит в преддверие Рая по причине своей неполноты. <...> ему должно переродиться, <...> дабы Святое Имя восполнилось во всех направлениях»². Так что, если человек уклонялся в этой жизни от создания семьи и рождения наследников, он будет, согласно уэйтовскому пониманию каббалы, перерождаться снова и снова до тех пор, пока не исправит это положение дел.

Значение учения о Шхине для понимания инициатической системы «Золотой Зари» и арканов Таро

Наиболее оригинальный аспект учения Уэйта о Шхине

¹ Там же. С. 439-440.

² Уэйт А. Каббала. С. 439.

связан с ее интерпретацией в контексте посвятительной системы «Герметического ордена Золотой Зари». Посвятительная система «Золотой Зари» включала систему градусов, соответствующую сфирот Древа Жизни. Продвижение по этим сфирот состояло из нескольких этапов-ступеней, которые, в свою очередь, были сгруппированы в большие единицы – «Ордена». Всего в системе «Золотой Зари» существовало три ордена: сам «Герметический орден Золотой Зари»; внутренний «Орден R.R. et A.C.» (Алой Розы и Золотого Креста), в который входили Адепты, прошедшие ступени первого ордена; наконец, таинственный «Третий Орден», в который входили неизвестные учителя, от которых, согласно легенде ордена, были получены первоначальные документы, содержащие основы учения ордена, а впоследствии некоторые адепты «Золотой Зари» утверждали, что смогли вступить с ними в контакт.

Каждая ступень ордена соответствовала определенной сфере, однако в контексте данной статьи интереснее то, что каждый орден соответствовал одному из каббалистических миров (оламот) а каждый мир, в свою очередь, ставился в соответствие одному из треугольников Древа Сфирот (за исключением самого нижнего мира, Асия, который соответствовал единственной сфере Малкут). Вступая в «Золотую Зарю», новичок переходил из мира Асия в мир Йецира, далее, при вступлении в «R.R. et A.C.» он попадал в Брия, наконец, адептам «Третьего Ордена» был открыт самый высший из миров – Ацилут, однако попасть в «Третий Орден» человек мог, согласно традиции «Золотой Зари», только тогда, когда его «несовершенное тело распадется в чертогах Гебуры дабы достичь подлинного адептата в Хесед»¹. Переход из ордена в орден был, таким образом, связан с подъемом из одного треугольника Древа Жизни в другой, который, как пишет Уэйт, обязательно происходит через одну из сфирот срединного столпа. В первом случае переход осуществляется через Йесод; во втором – через Тиферет, наконец, в третьем, что особенно важно, переход осуществляется, согласно Уэйту, через «ложную сфиру» Даат.

Согласно Уэйту, именно Шхина, божественное присутствие в мире, дает силу каждому из этих посвящений. В них она предстает

¹ Уэйт А. Таро Золотой Зари. С. 95.

в трех своих ипостасях, соответствующих картам Таро (относящимся к соответствующим путям Древа Жизни). При переходе от Малкут к Йесод это «Мир», от Йесод к Тиферет – «Умеренность», наконец, от Тиферет к высшим сфирот – «Жрица». Эти три аркана и есть, согласно Уэйту, три ипостаси Шхины.

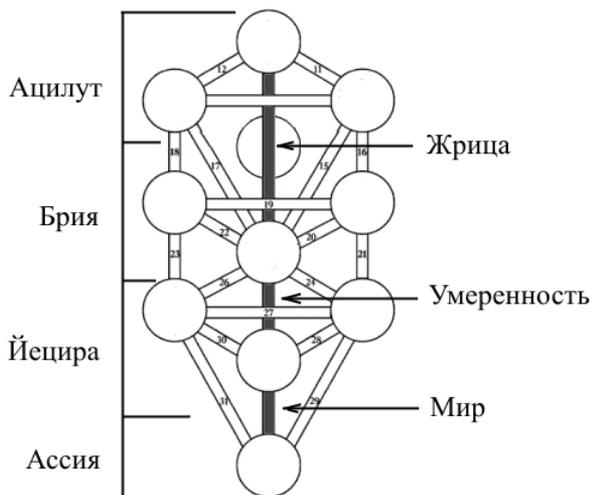

Рис. 3. Три ипостаси Шхины в Таро и их соответствия в каббале

Шхина как хранительница посвящения является «Стражем Врат» каждого из каббалистических миров. В первых Вратах (и на карте «Мир») Шхина предстает как «Дева, Жена и Мать», воплощающая «великолепие чистоты» во всех этих трех ипостасях; как Anima Mundi и Исида Природная, которая изображена на алтарной росписи «Сад Эдема до грехопадения»¹. Во вторых вратах (и на карте «Умеренность») она предстает как «Хранительница Срединного пути» и «Дочь Примирителей». Ее главная функция – примирение противоположностей, их соединение, которое в ритуалах «Золотой Зари» символизируется соединением и уравниванием влияний Хесед и Гебуры². Наконец, в третьих вратах Шхина предстает

¹ Уэйт А. Таро Золотой Зари. С. 91-92.

² Там же, с. 97-99.

как Жрица, хранительница «Книги тайной доктрины», она сама есть «Божественный Закон», Солнце и Луна одновременно¹.

Без понимания символизма Шхины невозможно, таким образом, согласно Уэйту, понять не только каббалу (ведь, как мы помним, Шхина представляет главную тайну каббалы), но также Таро и саму систему инициаций Золотой Зари, ведь Шхина выступает у него в равной мере как ключ к инициациям и ключ к пониманию символизма ряда старших арканов колоды Таро.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что Уэйт разработал собственную оригинальную систему интерпретации каббалы, основанную на глубоком понимании соответствующих источников. О наличии у Уэйта такого понимания свидетельствует, в частности, высокая оценка, данная его работам известным исследователем каббалы Гершомом Шолемом, который писал о нем следующее: «большинство идей и взглядов, свидетельствовавших об истинном проникновении в мир каббалы, остававшийся закрытым для рационализма, господствовавшего в иудаизме XIX века, принадлежало христианским ученым со склонностью к мистике, в частности нашему современнику англичанину Артуру Эдварду Уэйту»².

В интерпретациях Уэйта традиционные каббалистические сюжеты соединились с учением «Герметического ордена Золотой Зари» и оригинальными идеями самого Уэйта. Поэтому, конечно, мы не можем (как бы ни хотел этого сам Уэйт) говорить о нем как о беспристрастном исследователе, своеобразном доксографе, излагающем мнения авторитетов. Очевидно, что Уэйт тенденциозен в подборе материала и не стесняется отбрасывать все «лишние» свидетельства или упоминать их лишь вскользь. Так, например, происходит, когда он размышляет о том, что Шхина является лишь женатому мужчине, и приводит случай Иосифа. «Иосиф, – пишет Уэйт, – сочетался со Шхиной, и она сожительствовала с ним, и в связи с этим говорится, что он прекратил отношения со своей женой»³.

¹ Там же, с. 91.

² Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. – М.: Мосты культуры, 2004. – С. 36.

³ Уэйт А. Каббала. С. 408.

Это суждение, казалось бы, очевидно противоречащее его центральному тезису о «тайне брака» как центральной идее каббалы, Уэйт обозначает как забавный курьез, называя «странным замечанием», и не углубляется в рассмотрение данной темы. Впрочем, надо понимать, что и задача Уэйта, все-таки, была другой. Уэйт – не историк, не религиовед, скорее его следует охарактеризовать как вполне самостоятельного философа и эзотерика, опиравшегося в своих занятиях на глубокое знание исторического материала. Именно в этом смысле мы можем по достоинству оценить творчество Уэйта как ключевой фигуры в истории западного эзотеризма конца XIX – начала XX века.

Говоря о значении анализируемой темы, следует еще раз подчеркнуть, что образ Шхины в творчестве Уэйта, как и в системе «Золотой Зари» в целом, занимает очень важное место. Без адекватного понимания этого образа невозможно не только понять творчество Уэйта, но также невозможно осмыслить систему инициации «Золотой Зари» и символизм колоды Уэйта – одной из самых популярных на сегодняшний день колод Таро. Именно поэтому анализ данной темы имеет большое значение в контексте исследования истории и учения «Герметического ордена Золотой Зари», а также производных от нее эзотерических организаций, в частности, созданного Уэйтом «Независимого и исправленного ордена R.R. et A.C.», в котором интерпретации Уэйта были поставлены во главу угла.